

ему во всем. Он ушел от нее прежде, чем проспнулась подруга; и, поскольку в этих маленьких городках жители зачастую проводят время друг у друга, никто не нашел странным, что он вышел рано поутру из такого дома, куда всяк входил в любой час.

Потом отец женил сына, а тот пошел на это, не желая ему перечить. Жена Лафонтеа говорит, будто он настолько витает в облаках, что порою почитает себя неженатым неделю три кряду. Это кокетка, которая вот уже некоторое время ведет себя весьма вольно; его это несколько не беспокоит. Ему говорят: «Такой-то милуется с вашей женой». — «По мне, — отвечает он, — пусть каждый делает, что может; мне на это наплевать. Она ему надоест, как надоела мне». Его равнодушие бесит эту женщину. Она сохнет от тоски; он же влюбляется на каждом шагу. Когда пеная аббатиса на время приехала в город, Лафонтеа приютил ее у себя, и однажды утром его жена застала их вдвоем. Он так и не успел сделать того, что хотел, отвесил поклон и вышел.

Маркиза де Рамбуйе

Г-жа де Рамбуйе, как я уже говорил, — это дочь покойного маркиза Пицани и г-жи Савелли, вдовы одного из Орсини.¹ Ее мать была женщиной смысленной; она нарочно говорила с дочерью по-итальянски, дабы та одинаково владела и этим языком и французским. С этой дамою очень считались при Дворе, а Генрих IV посылал ее вместе с г-жой де Гиз, управительницей Дворцового штата Королевы, навстречу Королеве-матери в Марсель.² Она выдала свою дочь, не достигшую еще двенадцатилетнего возраста, за видама Манского,³ дав ей в приданое десять тысяч эку. Г-жа де Рамбуйе говорит, что с самого начала она считала своего мужа, бывшего в ту пору вдвое старше ее, человеком взрослым, сложившимся, а себя ребенком, что это представление навсегда у нее осталось и заставляло ее относиться к мужу с еще большим почтением. Ежели не считать тягб, не было на свете мужа более обходительного. Маркиза признавалась мне, что он всегда был в нее влюблен и не верил, что можно быть умнее ее. По правде говоря, ему не так трудно было обращаться с нею обходительно, ибо все ее желания всегда были разумны. Тем не менее она клянется, что, когда бы ей позволили не выходить замуж до двадцати лет и не стали бы принуждать к этому и далее, она осталась бы в девицах. Я полагаю, что она способна была бы так поступить, когда вспоминаю о том, что уже с двадцати лет она отказалась от посещения Луврских ассамблей. Она говорила, что не видит ничего привлекательного в том, чтобы наблюдать, как люди толпятся у дверей, стремясь туда попасть, и ей случалось иной раз уходить в дальнюю комнату, дабы посмеяться над дурными порядками, существующими на этот счет во Франции. Не то чтобы она не любила развлечений, но она ценила их в узком кругу. Все это довольно странно для красивой моло-